

Академия Наук Киргизской ССР
Институт истории
Министерство культуры Киргизской ССР
Государственный ордена Ленина Эрмитаж

Тезисы докладов
Всесоюзной научной конференции
КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО
КИРГИЗИИ

3 - 6 июня 1983 г.

Выпуск 2-й

Ленинград

1983

Академия Наук Киргизской ССР
Институт истории
Министерство культуры Киргизской ССР
Государственный ордена Ленина Эрмитаж

Тезисы докладов
Всесоюзной научной конференции
КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО
КИРГИЗИИ

3 - 6 июня 1983 г.

Выпуск 2-й

Ленинград
1983

Печатается по решению ученого совета
ордена Ленина Государственного Эрмитажа

Редколлегия: А.К. Абетеков /отв. редактор./
Е.И. Лубо-Лесниченко, Б.И. Маршак, Я.А. Шер.

Ю.Ф.Буряков
(Самарканд)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЭКОНОМИКЕ И КУЛЬТУРЕ РАННЕ- ФЕОДАЛЬНОГО ЧАЧ ИЛАКА

1. Одним из ближайших соседей Киргизии, тесно связанных с ней экономическими и культурными узами, был Ташкентский оазис (Чач и Илак). Тесные связи с восточными районами завязываются в период вхождения Чача в состав тюркского каганата. В начале VII в. в Чач назначили тюркского наместника. Чач добился частичной самостоятельности в составе каганата. В середине VIII в. под эгидой Чача остается ряд тюркских земель.

2. Географы X в., характеризуя горы Мавераннахра, отмечают, что "в этих горах от начала до конца рудники серебра и золота, и самые богатые из них те, что близки к стране хыртызов, пока они (рудники) не достигают Мавераннахра со стороны Ферганы и Шапа". В Кураминском хребте функционировал с первой половины I тыс.н.э. Лашкерекский серебряный горнометаллургический узел, включающий четыре рудника. Его расцвет к VII-VIII вв.н.э. Рядом с ним крупный золотой рудник Коч-булак. В южном Чаткале золотые рудники Кызылалма и Самарчук, начинается работа Каракия-катыранского золотого рудника.

3. Тесно связанный со степью Чач превращается в ремесленный, в первую очередь, металлургический центр, являющийся поставщиком многих товаров. Источники VII-VIII вв. сообщают о поставках отсюда оружия, золота, мехов и голубого камня, добывавшегося "в горах к юго-востоку от мэдины Чача". Речь идет о бирюзе, добывавшейся к юго-востоку от столицы Чача

в коях Унгушликана в бассейне Ахангарана "илакском руднике бирюзы" Бируни.

4. При археологических раскопках городов Чача раскрыты печи металлургов, ювелиров, гончаров, найдены образцы продукции — бусы, пряжки, нашивные украшения. Золотая бляшка с односторонним изображением в фас мужского лица аналогична бляшке УІ—УІІ вв. из Киргизии. На бронзовой нашивной бляшке рельефное изображение всадника с колчаном и налучьем, вероятно представителя турецкой знати, стоявшей у власти в Шаше УІ — УІІІ вв.

Ряд форм гончарной посуды украшается под металл и даже кухонные котлы зачастую подражают по форме орнаменту турецким бронзовым сосудам.

Таким образом, характер ремесла и искусства раскрывает основные направления торговых и культурных связей раннефеодального Чача.

С.Б.Лунина
(Ташкент)

СХОДНЫЕ ЧЕРТЫ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ГОРОДОВ И
ПОСЕЛЕНИЙ КИРГИЗИИ И СОГДА ПОРЫ РАЗВИТОГО СРЕД-
НЕВЕКОВЬЯ

1. Работы А.Н.Бернштама, П.Н.Кожемяко, Ю.А.Заднепровского, М.Е.Массона, Л.Р.Кызласова, Д.Ф.Винника, Г.А.Брыкиной, В.Д.Горячевой и других исследователей позволили довольно полно охарактеризовать материальную культуру и искусство Киргизии в IX—XII вв. Сходные явления культуры для территории Киргизии и Согда отмечены еще для поры раннего средневековья. Отдельные черты общности и различия культуры можно отметить и для развитого средневековья.

2. При сопоставлении городов и поселений на территории Киргизии, долины Зеравшана и долины Кашкадарьи (часть Согда) выявляются черты сходства и различия. Последние, на наш взгляд, обусловлены тем, что в упомянутых регионах отразились различные стадии процесса сложения средневековых городов и поселений городского типа. Так в долине Зеравшана наряду с городами-суперцентрами складываются города разных размеров с четкой структурой и развитым ремесленным производством, а также поселения городского типа и специализированные сельские поселения. В долине Кашкадарьи наряду с крупными трехчастными городами наблюдается города двухчастной структуры, а наряду с сельскими поселениями ряд промежуточных форм между поселениями сельского и городского типа. Для поселений Киргизии в ряде случаев также устанавливается трехчастность, однако, спе-

цифический характер их во многом обусловлен наличием длинных стен, обводивших значительные площади. Вывод П.Н.Кожемяко о том, что в таких поселениях жило и земледельческое и торгово-ремесленное население, подтверждается новейшими исследованиями историков (К.И.Петров) и археологов (В.Д.Горячева и др.). Дальнейшее вычленение различных структур поселений, выявление степени их "аграрности", сопоставительный анализ чрезвычайно важны для выявления путей сложения и характера структуры средневекового города Средней Азии.

3. В гражданских и культовых сооружениях как в Согде, так и в Киргизии находят применение различные виды декоративного убранства. Среди этих видов декора следует отметить резьбу по глине для оформления внутренних частей зданий как прием особенно излюбленный именно в Киргизии и Согде.

В Киргизии получили распространение, явно под влиянием Согда, орнаментированные очажки. Киргизия и Согд, наряду с Таджикистаном, явились в X-XII вв. регионами, где получила распространение неполивная расписная керамика. Надо отметить локальные черты в каждом регионе как в характере самой керамики, так и в выборе красок и мотивов росписей. Имеются сходные мотивы и различия и в других видах керамики Согда и Киргизии.

А.А.Анарбаев
(Самарканд)

ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФЕРГАНЫ
(по материалам Ахсикента)

1. Крупнейшим памятником городской культуры Ферганского региона является городище Ахсикент. По данным письменных источников Ахсикент состоит из трех частей: цитадель (арк - кухендиэ), внутренний город (медина - шахристан) и пригород (рабад) (Истахри, Ибн-Хаукаль). Это подтвердилось в результате археологических исследований 40-х и 60-х годов (М.Массон, А.Бернштам, И.Ахраров).

2. В результате археологических исследований, проведенных в 1979-1980 гг. на городище Ахсикент, были получены материалы, характеризующие и основные хронологические этапы жизни средневекового города. Цитадель находится в юго-западном углу городища, размер ее по верхней площадке 50 x 12 - 6 м. С севера и северо-востока цитадель отделена от шахристана (Ахси-IA) рвом. Ахсикент имеет два шахристана: Ахси-IA и Ахси-IB. Сохранившаяся часть Ахси-IA около 8 га. Зафиксированы остатки северных, восточных стен и следы рва (О.Г.Большаков ошибочно принимает площадь Ахси-IA за цитадель города). За пределами стен Ахси-IA начинается площадь второго шахристана - Ахси-IB более 20 га, окруженного мощными стенами. Здесь А.Н.Бернштам ошибается, называя Ахси-IB древним рабадом. К востоку и западу от шахристана имеется сохранившаяся часть рабада - Ахси-II и Ахси-III.

3. В арке, шахристане (Ахси-IA) и западном рабаде (Ахси-II) выявлены мощные античные слои с красноангобированной керамикой. Тем самым опровергается деление домонгольского Ахсикента на античные и средневековые городища (Ахраров, 1970).

Однако, археологически слои IX-X вв. на территории Ахси-IA и Ахси-IB выявлены слабо из-за мощных напластований XI-нач.XIII вв. В восточном рабаде - Ахси-III с IX-X вв. оформляется мощный производственный комплекс: металлургических печей и их гигантские отвалы. Слои IX-X вв., связанные с производством, обнаружены далеко за пределами Ахси-III. В западном рабаде - Ахси-II раскопан отдельно стоящий дом IX-X вв. Полученные материалы подтверждают правильность сообщений о том, что протяжение города приблизительно треть фарсаха (Ибн-Хаукаль, Истахри).

4. В XI-XII вв. Ахсикент по-прежнему остается экономическим центром всей Ферганской долины. В городе интенсивно развиваются все виды ремесел, особенно металлургическое и металлообрабатывающее производство. Ремесленные кварталы располагались повсеместно (кроме Ахси-II) в шахристане и рабаде.

В начале XI в. сооружается подземная водопроводная система из жженных кирпичей в виде стрельчатого свода с трубопроводом из больших кубуров и общественные здания с подземными коммуникациями.

О. Караев
(Фрунзе)

К ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВА ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЯНЬ-ШАНЯ И
СЕМИРЕЧЬЯ В IX—XII ВВ.

Уровень общественного развития населения Центрального Тянь-Шаня и Семиречья в IX—XII вв. был не одинаковым. В то время у кочевников шел интенсивный процесс разложения патриархально-родового строя. Классовая сущность социальной организации кочевников-скотоводов прикрывалась архаической патриархально-родовой оболочкой. Аристократическая верхушка поддерживала сохранение патриархального быта и идеологии, как важного инструмента своей власти и средство эксплуатации. Новым явлением в жизни кочевников-скотоводов Центрального Тянь-Шаня и Семиречья был интенсивный переход малоимущей их части в IX—XII вв. к оседлости.

Другую картину видим у населения Центрального Тянь-Шаня и Семиречья IX—XII вв., освоившего земледельческий труд, социальные отношения которого носили уже чисто феодальный характер.

По данным восточных авторов ("Худуд-ал-алам"— Махмуд Кашгарский) народы Центрального Тянь-Шаня и Семиречья в IX—XII вв. занимались скотоводством, земледелием, ремеслом, охотой и торговлей. Из этих видов хозяйства преобладало скотоводство, носившее полукочевой, отгонный и кочевой характер.

В письменных источниках содержится ряд данных о земледелии в различных местностях Центрального Тянь-Шаня и Семи-

речья в IX—XII вв. Остатки оросительных каналов и водопроводов свидетельствуют о том, что жители в тот период занимались земледелием. На Центральном Тянь-Шане и его предгорьях, где позволяли климатические условия, распространилось богарное земледелие.

Появление новых и развитие старых городов и поселений в IX—XII вв. на территории Центрального Тянь-Шаня и Семиречья было связано с дальнейшим развитием производительных сил, ремесла и торговли. Из группы городищ выделяются крупные городские центры. Некоторые укрепления в период экономического подъема превратились в значительные населенные пункты. Для караванов они стали выполнять сторожевые и торговые функции. Некоторые из них существуют поныне и сохранили свои прежние названия, а многие объекты на основании данных письменных источников можно отождествить с современными развалинами городищ или установить примерное их местонахождение. развалинами городищ или установить примерное их местонахождение.

Важную роль в хозяйственной жизни населения Центрального Тянь-Шаня и Семиречья IX—XII вв. играли различные ремесла, из которых значительное место занимали домашние промыслы, связанные с обработкой продуктов скотоводства.

А. Мухтаров
(Душанбе)

ЕЩЕ РАЗ О НАДПИСЯХ НА КАЙРАКАХ МАЗАРА ШАХ-ФАЗИЛ
В КИРГИЗИИ

Работа археографического отряда сектора истории средних веков Института Истории им. А. Дониша АН Тад. ССР выходит за рамки Тадж. ССР. Так в 1969 г. отряд посетил мазар Шах-Фазил в Киргизии и снял эстампажи с 14 надписей на кайраках XII-XIV вв.

По нашим подсчетам внутри помещения мазара находилось 14 камней с надписями и примерно такое же количество круглых камней без текста, назначение которых предстоит выяснить. Один из таких камней украшен плетеным геометрическим орнаментом со сложным восьмигранником.

Нами прочитаны 14 эпитафий, анализ текстов которых позволяет подтвердить в целом верные выводы их первого исследователя — М. М. Дьяконова (ЗВ П, 1948).

Чрезвычайно интересным представляется вопрос о разночтениях названия селения: Сафед Буланд, Сафед Булон, Исфед Ялон и Сафед Ялон.

Сопоставляя написание данного топонима на кайраках и сведения письменного источника XIX в. "Мухтаб ат-таварих", селение, на территории которого расположен мазар Шах-Фазил, носило в средние века название Сафед Ялон (Белые богатыри).

В целом надписи на кайраках из мазара Шах-Фазил являются важными историческими первоисточниками. Изучение и дальнейшая публикация всех без исключения надписей позволит

полнее осветить отдельные малоизученные стороны истории не только Киргизии, но и всех народов Средней Азии в XII-XIV веках.

Л. Додхудоева
(Душанбе)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КАЙРАКОВ

Кайраки – мусульманские надгробия с выбитыми эпитафиями – один из интереснейших памятников материальной и духовной культуры народов Средней Азии.

Фиксация кайраков проводилась неравномерно, однако удалось выделить несколько центров скопления памятников: отдельные районы Киргизии, Казахстана, Самарканд, верховья Зеравшана.

Вопрос о происхождении кайраков давно волновал ученых. В 1979 г. автору этих строк удалось найти неопубликованные материалы об исследовании самаркандских кайраков В.Л. Вяткиным. Ученый, рассматривая вопрос о происхождении данного вида погребальных памятников, указывает на два возможных пути заимствования обычая: "арабский" и "тюркский" ("караханидский"). Второй путь заимствования В.Л. Вяткин счел более обоснованным из-за синхронности появления кайраков установлению власти Караханидов в Мавераннахре. Сведя вопрос в плоскость узко этнических проблем, В.Л. Вяткин не смог найти верный ответ на поставленный вопрос.

Известный исследователь среднеазиатских кайраков М.Е. Массон видит истоки обычая устанавливать кайраки в тюркских традициях установки статуарных изображений.

Типологически кайраки могут быть связаны с группой памятников, известных как "каменные бабы". Однако сопоставление стилистических и орнаментальных признаков кайраков с ближне-

восточным материалом указывает на влияние мусульманских классических традиций.

Очевидно, с Караханидами можно связывать утверждение самой моды устанавливать памятники подобного типа, тем более, что для отдельных представителей этой династии было характерно строительство мемориальных комплексов вокруг мечетей.

В этой связи можно предположить, что культ святых, подготовленный развитием мусульманства, особенно суфизма, явился той благодатной почвой, на которой нашел выход и расцвел один из древнейших культов тюрк.

Е.А.Давидович
(Москва)

РЕФОРМА В ФЕРГАНЕ — КРИЗИС ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В
СЕМИРЕЧЬЕ (середица XI в.)

1. Серебряный монетный кризис, охвативший в XI—XIII вв. Средний и Ближний Восток, начался и завершился не в одно время, развивался не одинаковыми темпами и принимал разные формы. Одним из общих признаков была долговременная порча когда-то высокопробных серебряных монет (вплоть до полного прекращения выпуска даже низкопробного серебра), причем, различными были и темпы и способы порчи серебряных монет, и изобретательность в замене их монетами без серебра, предназначенными, однако, для сферы именно серебряного обращения.

2. В начале второй половины XI в. монетные дворы Ферганы и Семиречья выпускали монеты из сплава меди со свинцом. Их внешний вид очень небрежный (разная толщина, неправильная форма, "рваные" края), а вес и размеры нестабильны, в кладах много фрагментированных монет и просто обломков. Эти монеты, возможно, не имели штучного обращения. В них нет серебра, но в надписях они названы дирхемами, т.е. предназначены для сферы серебряного обращения. Внешняя непривлекательность этих дирхемов сочетается с отличной палеографией.

3. Еще до выпуска медно-свинцовых дирхемов завершилось и сформировалось разделение государства Караханидов на два каганата "Западный" и "Восточный". Фергана и Семиречье входили в состав Восточного караханидского каганата. Восточный каганат не был централизованным государством, удельное его уст-

роительство ярко отражено монетными надписями. Несмотря на отсутствие реальной центральной власти в каганате проводилась единая монетная политика, выразившаяся в выпуске описанных выше медно-свинцовых дирхемов и организации их обращения на единых основаниях по всему государству вне зависимости от места чекана.

4. Внутрикладовая статистика убедительно показывает, что основную часть медно-свинцовых дирхемов отчеканили монетные дворы Ферганы. Разный объем выпуска подобных монет в Фергане и Семиречье — отражение разного уровня развития денежной торговли, товарно-денежных отношений в двух регионах. Топография же кладов показывает, что основные места их находок — не Фергана, а Семиречье.

5. Главой Западного караханидского каганата в это время был Ибрахим б. Наср с титулом Тафгач-Богра-хана. Он проводил единую монетную политику, но она принципиально отличалась от политики Восточных Караханидов. В монетах Ибрахима Тафгач-хана медь преобладала, но было определенное количество серебра, так что термин "дирхем" в Западном каганате не был полностью оторван от своего основного значения. Часть (или все?) самаркандские дирхемы Ибрахима Тафгач-хана середины XI в. были к тому же субэратными, так что внешне имели вид высокопробных серебряных монет. Дирхемы имели правильную форму, ровные края и обращались штучно.

6. На рубеже 50-60-х годов XI в. Ибрахим Тафгач-хан завоевал Фергану и сразу провел денежную реформу, начав чекан совершенно новых дирхемов. В ферганских дирхемах Ибрахима Тафгач-хана преобладает медь, но в них есть и серебро; они

тонкие, правильной круглой формы и предназначены для штучного обращения.

7. Политический и экономический аспекты реформы Ибрахи-ма Тафгач-хана не оставляют сомнений в том, что восточнока-раханидские медно-свинцовые дирхемы в Фергане были запрещены для дальнейшего обращения. В аналогичных ситуациях знаки стоимости с принудительным курсом выпадали в клады, однако массового выпадения в клады медно-свинцовых дирхемов на территории Ферганы не произошло. Специфика ситуации заключалась в том, что медно-свинцовые дирхемы, запрещенные в Фергане, во всех остальных областях Восточного каганата сохраняли свои позиции. Это означает, что из Ферганы начался немедлен- ный и массовый отлив медно-свинцовых дирхемов в Семиречье. Но прилив в Семиречье за самое короткое время столь значи- тельной денежной массы, сильно превышавшей нужды этого реги- она, так же быстро привел к инфляции, а затем и кризису де- нежного обращения в обычной для такого рода монет форме: к отказу на них торговать. В силу этого дискредитированные медно-свинцовые дирхемы, отчеканенные главным образом в Фер- гане, выпали в клады преимущественно в Семиречье.

ЧЕКАНКА МОНЕТ НА ТЕРРИТОРИИ КИРГИЗИИ В КОНЦЕ X — НАЧАЛЕ XIII В.

1. В пределах государства Караханидов было 50 монетных дворов, часть которых располагалась на территории современной Киргизии. Очень много чеканил Узгенд /иначе Уздженд, на месте нынешнего Узгена/, центр крупного удела. Известны узгендские монеты /фелсы и дирхемы/ 1001-12, 1013-14, 1014-15, 1016-19, 1020-21, 1022-23, 1023-24, 1025-26, 1028-35, 1036-37, 1038-39, 1041-42, 1048-49, 1049-50, 1053-54, 1052-53, 1056-57, 1057-58, 1060, 1064-65, 1065-66, 1080-81, 1163-73, 1174-79, 1183-84, 1186-87, 1188-89, 1197-98, 1199-1200, 1204-07, 1209-12, 1213-14 г.г.; почти все эти монеты выпущены Караханидами, за исключением одного типа дирхемов 1210-11 г. с упоминанием также Ануштегинида Мухаммада б. Текеша и его дирхемов 1213-14 г.г. Золотой динар Кадыр-хана 60 - 2/1205-06 г., без наименования монетного двора, бит в Узгенде, где только и производился его чекан. Вашкенд дирхемов 1001-02 г. вероятно, форма названия Узгенд.

2. На монетном дворе с наименованием Ферганы дирхемы чеканились в 991-92 г., фелсы в 994-996, 998-1001, 1002-03, 1003-04 /?/, 1005-11, 1016-17, 1019-20, 1027-28, 1101-06 г.г. Поскольку при Караханидах столицей Ферганы был Узгенд, в последнем и принято помещать этот монетный двор. Вполне вероятно, что многие ферганские монеты действительно чеканены в Узгенде. Однако есть фелсы Ферганы 998-1001 и 1006-07 г.г., на которых место выпуска уточнено: в первом случае это Ах-сикет, во втором — Маргинан. Следовательно, монеты Ферганы могли быть выбиты в любом значительном ферганском городе.

3. в Оше /на месте современного Оше/, в X в. третьем

по величине городе Ферганы, фельсы чеканились в 1002-03, 1009-10, 1013-14 и 1014-15 г.г. Не исключено, что монетный двор Хайтдеха, выпускавший дирхемы в 1003-05 г.г., тоже располагался в Южной Киргизии.

4. В Барсхане, находившемся на южном берегу Иссык-Куля, на месте Барскаунского городища, дирхемы выпускались в 1019-28, 1056-57 и 1057-58 г.г. От монетной продукции Шелджи /соответствует городищу Садыр-Курган в Таласской долине/ дошли дирхемы 1022-23 и 1023-24 г.г.

5. Одна из караханидских столиц, Баласагун /Бурана?/, на монетах чаще всего фигурирует под другим названием - Куз Орду /дирхемы 1003-13, 1014-18, 1019-27, 1030-31, 1032-33, 1056-57, 1067-68 г.г./. Известны дирхемы Баласагуна 1013-14 г. Выявлены также монеты Орду 1003-04 /фельс, отнесенный к чекану Орду 398 г.х., на самом деле бит в Илаке в 388 г.х./ и Ил Орду 1004-05, 1005-06, 1011-12г. и более поздние /между 1012-25 г.г./. Судя по тому, что все дирхемы столичного Куз Орду в первой четверти XI в. выпускались только от имени верховного хана, на некоторых же монетах Орду и Ил Орду упоминаются вассальные владельцы, два последних монетных двора не идентичны Куз Орду. Не исключена предположенная недавно локализация Орду на месте городища Ан-Бешим близ Токмака.

6. Из двух располагавшихся на территории Киргизстана караханидских столиц наиболее интенсивно чеканили монету Газгенд: здесь выпускались медные фельсы, серебряные, низкопробные серебряные, сплавные и медные посеребренные дирхемы, а в начале XII в. также золотые динары. В Баласагуне /Куз Орду/ производилось только дирхемы.

7. До Караханидов на территории Киргизии определенно функционировал только один монетный двор - Узгенд, причем эпизодически: известны фельсы 924-25, 982-83, 987-88 и 988-89 или 990-91 г.г. После монгольского завоевания чеканка монет, тоже эпизодическая, продолжалась лишь в Узгенде /XIII в./ и Оше /серебряные монеты 687/1288 и конца XIV - начала XV в./. Следовательно, наибольшая интенсивность производства монет на территории Киргизии приходится именно на конец X - начало XIII в. С одной стороны, это объясняется политическими причинами /превращение некоторых городов в столичные, развитие удельной системы/, с другой - возросшими потребностями торговли.

М.Г.Крамаровский /Ленинград/

Погребение монгольского времени
из Таласской долины.

1. В 1963 г. Д.Ф.Винник опубликовал четыре погребения из могильника Тош-Башат, находящегося на правом берегу р. Талас и насчитывающего до 200 разновременных курганов. Один из них /№ I44/, оказавшийся наиболее примечательным по инвентарю, датирован им УП-Х вв.н.э., а серебряные украшения из этого кургана поставлены в связь с искусством енисейских киргизов.

2. Курган № I44 /диаметр 6 м., высота насыпи 0,5 м/ содержал мужское подбойное захоронение с костяком в вытянутом положении, на спине, ориентированном на С-З. Инвентарь погребения: деревянный сосуд диаметром около 20 см - у изголовья /здесь же кость ноги барана/; бронзовая поясная чаша в виде уплощенной полусферы /диаметр 11,5 см/ - у таза справа; обломки ножа /найлены между тазовыми костями/ и серебряная поясная гарнитура. Здесь же обнаружена сердоликовая бусина и костяной предмет с двумя отверстиями /для крепления колчана ?/. Из одежды сохранились фрагменты шелковой ткани и обуви.

Характер поясного набора и тип поясной чаши позволяют датировать комплекс второй половиной XIII в., а детали узора поясных украшений - последней третью этого столетия.

3. Наибольший интерес среди тошбашатских находок вызывает серебряный поясной набор, повторяющий форму пряжки, форму и характер высокого рельефа и, отчасти, декора больших обоймиц находки из Гашун-Уста 1990 г. /Эрмитаж/, а по декору овальных накладок с ланями - детали сбруйной гарнитуры начала XIV в. из Халчалнского погребения / Г.А.Пугаченкова, 1967г./.

4. Срнаментальная пластина оборотной стороны тошбашатского наконечника, где в манере плоского чекана выполнен геометрический

узор из фестончатых чешуек с набором веерообразных штришков в заполнении свободного поля, едва ли не идентична подобной же детали золотых поясов из Гашун-Уста /Предкавказье/, из погребения у с. Карги /Таврическая губерния, находка до 1903 г./ и серебряного /?/ пояса из монгольского погребения на о. Березань /раскопки Э.Штерна в 1908 г./.

5. Каргинская и березанская находки принадлежат к разряду воинских поясов с геральдическими изображениями драконов; оба набора, а также примыкающий к ним стрелковый пояс из захоронения, обнаруженного у ст. Белореченской в 1897г., датируются редкой европейской пряжкой / м.б. использовавшейся в португее/ из березанского комплекса, наиболее ранние аналогии которой относятся к 30-м гг. XII в. / I. Fingerlin, 1983 / и известны по находкам половецкого погребения на р. Молочной / в 1982 г./ и крепости Монфорт в Палестине / В. Dean, 1927 /.

6. Вместе с поясом из Гашун-Уста, датируемым подвеской с тамгой рода Бату, поясной набор из Таш-Башат дает представление о наиболее ранней группе воинских поясов первых поколений командного корпуса западных монголов периода основания нового монгольского государства - Улуса Джучи.

Е. З. Заурова /Фрунзе/

ПАРАДНЫЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС XIV-XV ВВ. НА ГОРОДИЩЕ АКЧИЙ

1. Городище Акчий находится в Кетмень - Тюбинской долине, в центральной части правобережья р. Нарын. До начала раскопок оно имело вид подпрямоугольного тела размером 105 x 116 м, возвышавшегося над дневной поверхностью на 5-6 м, и сохранившего остатки микрорельефа. Здесь автором с 1963-1969 гг. раскапывались остатки парадного здания XIV-XV вв.

2. Здание сырцовое, одноэтажное, состоит из 15 помещений, двух коридоров и дворика, занимает общую площадь более 700 кв.м. На главной оси по линии север-восток - юг-запад расположен центральный вход, отмеченный подлинными камнями, за ним входное помещение 2 с проходом в обводный коридор, открывающийся концами во дворик с парадно оформленным ташнау в центре. Внутренний дворик с айваном и ташнау на главной оси является организующим планировочным центром, вокруг которого со всех сторон группируются остальные помещения, соединенные с ним дверными проемами.

3. Стены сложены из разноформатного сырцового кирпича. Почти во всех помещениях - суфы, иногда с дополнительными лежанками. Стены и суфы покрыты саманной и алебастровой штукатурками. Женные кирпичи размером 24-26 x 24-26 x 4 см и 24-26 x 12-18 x 4 см, применялись для выкладки отдельных участков пола, порогов, оформления суф, устройства канов или пристенных каминов. Судя по остаткам, в залах помещений, перекрытия были деревянными с использованием камня.

4. Некоторые помещения и дворик имели богатое декора-

тивное убранство в виде настенных росписей минеральными красками, резьбы по глине и ганчу, штампованных глиняных плиток. Арабская надпись широкой полосой покрывала фриз в помещении 3

5. Особенно роскошным оказалось самое обширное помещение 5, украшенное высокохудожественной резьбой по глине и ганчу. Панель его сохранила следы зеленой глиняной штукатурки, простенок расчленен на прямоугольные панно, заключающие резьбу по зеленоватой сырой глине и тонированные сверху алебастром. У потолка — фриз в виде полуметровой ганчевой полосы с ажурным резным орнаментом. На белом потолке — широкие переплетающиеся ленты гириха из зеленоватой глины и крупная резная глиняная розетка.

6. Вещевой материал скуден. Немногочисленная керамика с бело-черно-голубой гаммой поливы и тонкая кашинная керамика с росписью кобальтом относятся к XIV—XV вв.

7. Позднесредневековое здание на городище Акчий — единственный в своем роде раскопанный памятник жилой парадной архитектуры на территории Киргизии. Особенности его декора предполагают связи с традиционными украшениями построек в оседлых районах Средней Азии, но есть и мотивы, присущие только кочевническому искусству.

С. Б. Дзамгерчинов /Фрунзе/
 С. Г. Кляшторный /Ленинград/
 В. П. Мокрыгин, А. М. Мокеев /Фрунзе/

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНОГЕНЕЗА КИРГИЗСКОГО НАРОДА

1. Исследование проблемы сложения киргизского народа на территории Семиречья и Западного Тянь-Шаня имеет длительную историю; существующие точки зрения наиболее полно обобщены С. М. Абрамзонем. Сессия по этногенезу киргизского народа /Фрунзе, 1956/ в своих решениях показала два основных этногенетических истока сложения киргизской средневековой народности — **центральноазиатский** привнесенный кочевыми племенами Южной Сибири в Монголии, и местный среднеазиатский, восходящий к сако-усуньской древности.

2. Формирование тюркского этноса на востоке Средней Азии охватывает время между II-V и XI-XII вв. н. э. и подразделяется на три периода: а/ период появления центральноазиатских позднегуннских племен II-V вв.; катакомбные и подбойные погребальные памятники Кенкола и Нетмень-Тюбе фиксируют **изменения расового типа** и материальной культуры местного кочевого населения под влиянием центральноазиатских мигрантов; б/ период массового переселения на Западный Тянь-Шань древнетюркских племен /VI-VII вв./ и сложение древнетюркской государственности, в рамках которых осуществлялись процессы слияния собственно тюрков с позднегуннскими и частично уже ассимилированными усуньскими племенами; в/ массовое переселение на Западный Тянь-Шань с Алтая и из Западной Монголии карлукских племен /карлуки, чингилы, ягма/ и сложение тюркских феодальных княжеств, консолидировавшихся в Караханидском государстве /конец III-XII вв./ в результате карлукского

переселения в Семиречье были окончательная туркизация населения востока Средней Азии, включая городские ираноязычные группы, седентеризация части тюркских племен, сложение единого литературного тюркского языка и литературы, постепенное преобладание территориальных и социальных связей над внутри- и межплеменными связями. Интенсивные процессы сложения тюркоязычной феодальной народности в Семиречье были прерваны монгольским завоеванием.

3. Возобновление этнических процессов, имевших следствием сложение киргизской народности, относится к XIV- началу XVI вв. Центром этногенеза киргизской народности на начальном этапе этого сложного периода /XIV - первая половина XV вв./ становится северная часть Могулистана, включая Прииртышье, Северный и Горный Алтай. Здесь еще в X-XI вв. складывается этнополитическая группировка, включавшая местные кимакско-кипчацкие и господствующие киргизские племена; после XII в. собственно киргизские племена полностью ассимилируются в кипчацкой среде, существовавшей, однако, этническое имя "киргиз". Владение Киргиз на Алтае, наряду с владением Кем-Кемджиут на Енисее, существовало еще в эпоху начала монгольских завоеваний /Рашид-ад-Дин/. Позднее утратившие свое политическое единство племена алтайских киргизов вошли в состав государства Могулистан.

4. Во второй половине XV в. в новой политической ситуации, полунезависимые киргизские племена переселились на Тянь-Шань, вскоре разорвав политические связи с яркентской могульской династией. В эту эпоху у киргизов возродилась древняя степная этнополитическая структура,

прослойка и основа кочевнической государственности — территориально-административная и военная группировка племен в составе двух "крыльев", "левого" и "правого" объединений. С начала XV в. на Западном Тянь-Шане существует уже собственно киргизская народность, включившая в свой состав ранний среднеазиатский субстрат; дальнейшая этническая история киргизов неотделима от истории соседних среднеазиатских народностей.

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ ЕНИСЕЙСКИХ И ТЯНЬ-ШАНЬСКИХ КИРГИЗОВ

Проблема связей двух этнических общностей, известных в эпоху средневековья под одним наименованием "кыргызы", является одной из наиболее спорных и актуальных в истории Средней Азии и Южной Сибири. Наиболее существенный вклад в ее решение внесли В. В. Радлов, Н. А. Аристов, В. В. Бартольд, К. И. Петров, С. М. Абрамзон, О. Караев, Е. И. Кычанов и другие исследователи. Общий вывод из многолетней дискуссии был лучше всего сформулирован С. М. Абрамзоном: "Если уже давно стала очевидной невозможность отождествления енисейских и тянь-шаньских кыргызов, то столь очевидна и необоснованность полного отрицания некоторых этногенетических связей между ними".

В проблеме связей енисейских и тянь-шаньских кыргызов следует различать два основных аспекта: 1/ формирование тюркоязычного субстрата в этногенезе тянь-шаньских кыргызов и 2/ возможность переселения отдельных групп енисейских кыргызов в IX-X вв. на Тянь-Шань. Настоящий доклад посвящен второму аспекту.

Одним из главных аргументов против проникновения енисейских кыргызов на Тянь-Шань является отсутствие здесь погребений по обряду трупосожжения, характерному для енисейских кыргызов /Д. Р. Узласов/, место которых занимает древнетюркские погребения с конем /Я. А. Чер/. Известно, что большое количество кыргызских памятников исследовано в Туве /Тора-Тал-Арты, Манчиг и др./, а также на Горном /Узунтал, Яконур/ и Западном Алтае /Корболже/, в Восточном Казахстане /Зевакино/. Одно захоронение с кыргызскими ин-

вентарем встречено в Джунгарском Алатау /Текели/, т.е. уже в непосредственной близости от северных отрогов Тянь-Шаня. Памятники енисейских кыргызов в разных местах их распространения несколько отличаются друг от друга: тувинские от минусинских, алтайские от тувинских, восточно-казахстанские от алтайских. Это говорит о том, что культура енисейских кыргызов при распространении на запад претерпела некоторые изменения, а ее носители подверглись процессам этнической и культурной ассимиляции. Можно предполагать, что кыргызские памятники на Тянь-Шане /если они будут открыты/ должны отличаться еще большим своеобразием по сравнению с минусинскими, чем алтайские и восточно-казахстанские.

В Чуйской долине и на Иссык-Куле при случайных обстоятельствах найдены предметы /пряжки, тройники, детали поясных наборов, лировидные подвески/, по формам и приемам орнаментации, сопоставимые с кыргызскими /А.Н. Бернштам, В.М. Шлоских/. Типологически близкие вещи оставлены кочевниками, разрушившими городище Ак-Бешим /Д.Р. Узла-сов/. Среди них обращают на себя внимание псалии с головками горных козлов типа уйбатских в Минусинской котловине и могильника Санчит в Туве. Не исключено поэтому, что буддийский храм на Ак-Бешиме разрушили кыргызы.

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что какие-то группы /скорее всего, военные отряды и гарнизоны/ енисейских кыргызов в IX-X вв. проникали на Тянь-Шань и, возможно, явились первыми носителями этнонима "кыргыз". Это не снимает вопроса о формировании тюркоязычного суб-отряда в этногенезе Тянь-Шаньских кыргызов, которое могло происходить в более позднее время и на более широкой территории.

С. Г. Кляшторный
/Ленинград/

СОЦИАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ОБЩЕСТВА В ПАМЯТНИКАХ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КИРГИЗИИ

Десять ленидарных рунических эпитафий, открытые в долине Таласа в 1896-1977 г.г., несмотря на скудость содержащейся в них информации и трудности интерпретации, все же ясно характеризуют тип общества, их породивший - это одно из многочисленных древнетюркских государств Средней и Центральной Азии, возникших на заре средних веков и сохранивших свои основные черты в некоторых архаических институтах феодальной Караханидской державы, отраженные в поэме Кутадгу билиг /XI в./

Эти памятники отражают, и формулируют идеологию высших слоев древнетюркской аристократии, для которой абсолютным императивом было стремление к подчинению иноплеменников и господству над ними. Те же мотивы звучат в декларациях тюркских каганов и полководцев VII века. Вместе с тем, рунические памятники содержат немало свидетельств о существовавших внутри них социальных оппозициях. Одна из этих оппозиций порождалась неполнотой интеграцией родо-племенной структуры общины /бодун/ и военно-административной организации /эль/. Хан, который "держал эль и возмывал бодун" ради удержания в подчинении покоренных, ради новых походов, завоеваний, был заинтересован в абсолютной покорности в своем племенном союзе. Не интерес племен и племенной аристократии /берсе/ никогда полностью не совпадали с державными амбициями ханской власти, что порождало первую социальную оппозицию: проти-

востояние племенной аристократии и рядовых общинников высшей знати во главе с ханом.

Вместе с тем, общественное и имущественное неравенство, назревавшие социальные противоречия уже на ранних этапах истории породили вторую постоянно действовавшую оппозицию - противостояние "простого народа" /игиль кара бодун/ "именитым" /атлыг/, т.е. бегам и хану. Это ясно выражено в эпитафии-увещании одного из енисейских кыргызских бегов: "Простой народ, будь усерден! Не нарушай установлений зля!"

Обе оппозиции не стали в архаичных государствах древнетюркской эпохи зрелыми классовыми противоречиями. Фиксируя позиции традиционных сословий, они скорее отражают борьбу этих сословий за свою долю материальных благ получаемых общиной, нежели попытки изменения структуры. Какими бы противоречиями не характеризовались отношения между бегами и "простым народом", бодун в целом противостоял другой группе населения, входившей в древнетюркский зль - невольникам-кулам, которые, даже влившись в семьи своих хозяев, не стали членами древнетюркской общины

Лейтмотивом ханских деклараций, запечатленных руническими памятниками, было требование единства и сплоченности бегов и народа в их покорности трону. Это означало принятие такой политической структуры, при которой власть, а следовательно и богатство, добываемое путем внеэкономического принуждения и войной, принадлежали бы аристократии по крови, выделявшей остальной общине установленную традицией долю добычи и дани.

ОБЩЕСТВОИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ КИРГИЗИИ

1. В конце I тыс. до н.э. — I-V вв. н.э. в предгорьях Ферганы интенсивно развивалось земледельческое хозяйство с ростом многочисленных поселений и городов. Центральный и Северный Тянь-Шань не был затронут этим процессом. Имеются следы лишь единичных небольших поселений, какие существовали и в других регионах у кочевых скотоводов. Население Тянь-Шаня периодически пополнялось в этот период кочевниками Центральной Азии.

2. Массовый переход кочевников-скотоводов к оседло-земледельческому хозяйству с ростом больших поселений и городов происходил в VI-VII вв. и особенно в X-XII вв. Он совпадал с общесреднеазиатским прогрессом урбанизации и феодализации общества.

Особенность городов Северной Киргизии состояла в том, что при усадебной застройке во внутренней части они имели собственную полевую землю в пределах так называемых длинных стен, включавших округу в 10-20 кв. км. Эти города не были центрами базисов, как в других областях Средней Азии. Каждый из таких городов, имея собственную продовольственно-сырьевую базу, был в условиях феодальной раздробленности самостоятельным социально-хозяйственным организмом. Численность торгово-ремесленного и земледельческого населения городов в XI-XII вв. составляла в среднем около 10-12 тыс. чел. Общий этнопроцесс у населения Караханидского государства, так называемых хаканских городов X-XII вв.

на Тянь-Шане развивался в направлении формирования народности со своеобразной материальной и духовной культурой и государственно-литературным карлукско-уйгурским языком. Но сельское и городское население разных областей и даже отдельных городов не утрачивало некоторых этнографических различий. Города Киргизии можно рассматривать как территориально-этнографические группы. Своеобразием некоторых из них являлась пестрота состава и ассимиляция в разных пропорциях инородческих элементов (например, согдийцев и др.) с разными религиями (зороастризм, буддизм, манихейство, христианство) при исламе как государственной религии. Разнообразие конкретно-исторических условий отразилось в материальной культуре:

3. В начале третьего периода, при нашествии в XIII в. новых кочевых племен из Монголии и Южной Сибири большинство городов разрушается. На их месте до XIX в. лежали руины. Хотя на некоторых городищах имеются следы позднейшей жизни, это были уже не собственно города, а отдельные военно-опорные пункты Тимура и Тимуридов конца XIV-начала XV вв., не связанные с кочевым хозяйством местного населения. Они заустевали после непродолжительного существования, как и крепости разных феодалов середины XV в. В течение шестнадцатого периода до XVII в. города не возродились. Снова возобладало кочевое скотоводство. Развитие во второй период феодальные отношения с исчезновением оседлого населения уступили место типичным для кочевников-скотоводов патриархально-феодальным, господствовавшим до XIX в.

М. А. Бубнова
/Душанбе/

СТРУКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУДНИЧНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В IX-XII ВВ

I Добыча и переработка руды в средневековой Средней Азии как один из видов производства, в отличие от других текстильное, гончарное и пр. /, характеризуется рядом особенностей организации самого производства. Последнее обусловлено удаленностью месторождений от крупных населенных пунктов и тем, что они, как правило, сосредоточены в горах. Поэтому при работе на месторождениях неизбежно должны были решаться проблемы, связанные не только с организацией производства, но и быта горняков и их семей. Бытовая сторона создавала много трудностей и состояла не только из решения жилищных проблем и вопросов, связанных с обеспечением питанием, товарами первой необходимости, но и из многих других вопросов. Рассмотреть проблему быта и организации производства в целом на данном этапе наших знаний о древних рудниках трудно. Остановимся на структурно-планировочных особенностях рудничных поселений, которые диктовались рядом причин, а именно:

а/ стационарным или сезонным характером работ на месторождении:

б/ масштабами месторождений: в/ значимостью добываемого металла на внешнем и внутреннем рынках; г/ степенью удаленности от крупных населенных пунктов.

2 Исследования древних рудничных поселений в Таласской долине, в Чаткале, Карамазаре, на Памире и в других районах Средней Азии дали возможность выявить различные варианты в их структурно-планировочной **схеме** среди которых выде-

ляются : а/различные типы одиночных жилых построек;
б/ небольшие поселения, выполняющие функции только жилищно-бытового характера; в/ поселения, состоящие из жилых построек, административно-общественных зданий и производственных комплексов, объединяющие весь процесс, связанный с переработкой руд; г/ собственно металлургические центры при рудниках или в крупных городах и поселениях, сосредоточенных в долинах; д/ поселки городского типа специализированного назначения, возникающие на рудниках, как организующие центры сбыта и реализации добываемого сырья на различной стадии его обработки

РЕМЕСЛО ФЕОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА В ТУРКМЕНИИ И КИРГИЗИИ

В результате археологических исследований установлено, что как в Туркмении, так и в Киргизии в эпоху феодализма существовали крупные города — центры ремесла и торговли. Из средневековых городов Туркмении наиболее изученными являются Мерв, Куфен, Шехр-Ислам, Дехистан

Помимо безглазурной художественной керамики, в Туркмении производились прекрасные образцы полуфаянсовых сосудов с лэстровой росписью. В Мерве на городище Султан-кале обнаружены остатки керамической печи по производству лэстровой керамики /Т. А. Пугаченкова/. На городище Дехистан было найдено много лэстровых сосудов, среди них встречался брэк, подтверждающий местное происхождение этих изделий. На лэстровых сосудах имеются зооморфные и антропоморфные изображения, геометрические и растительные орнаменты. Художественная поливная керамика и другие керамические изделия Туркмении и Киргизии близки по форме и орнаментации.

В Туркмении и Киргизии в средневековых городах отмечено наличие остатков металлургических печей, а также железные шлаки и кирпичи. На городище Шехр-Ислам в южной Туркмении был найден склад, где хранили железную руду для обработки. Ее хранили в облицованных ямах. Лишь в одном квартале обнаружено около 30 ям для хранения руды.

Средневековый художественный металл Туркмении находит аналогию среди археологических находок Киргизии

НОВОЕ О ТАШ-РАБАТЕ

1. Выдающийся памятник средневекового зодчества Киргизстана Таш-Рабат расположен в 68 км к юго-западу от городища Кошой-Коргон, на берегу р. Таш-Рабат /правый приток р. Кара-Кожун/, в одном из глубоких ущелий хребта Атбаш. Он известен в научной литературе со второй половины XIX в.

2. В 1978г. СНРПИМ Министерства культуры Кирг. ССР приступили к архитектурно-археологическим исследованиям на памятнике с целью его реставрации. За три года работ получены материалы, которые вносят много нового в общую характеристику памятника.

3. Постройка в плане почти квадратная /32,4 x 34,8 м/, ориентирована сторонами по странам света. Главный фасад обращен на восток. Здание возведено на искусственной площадке на склоне горы, поэтому глубина заложения фундамента разная /от 0,2 до 2,0 м/. А перепад высот в восточном направлении 3,9 м и в южном 1,8 м. Выяснилось, что помещения имеют несколько иную планировку и размеры, чем это было известно по предшествующим публикациям. Так, помещение 9, несмотря на свою прямоугольность, было перекрыто куполом с помощью сложных парусов, остатки которых хорошо сохранились. Помещение 10 по размерам значительно больше, чем было известно и вход в него был не из помещения 9, а из центрального зала через помещения II. Подобные исправления планов и размеров характерны и для других частей памятника.

В Таш-Рабате выделяется две группы помещений: входные, расположенные по обе стороны центрального коридора и парадные, с большим залом. Парадная группа помещений выделяется

наличием в нем трех самых больших по площади залов: центральный зал 9,0 x 9,2 м. и два боковых зала с размерами 19,0 x 4,0 и 14,8 x 4,0. Большинство помещений входной группы имеют приблизительно одинаковую площадь и назначение. С трех сторон к центральному залу примыкают айваны-ниши с суфами. Кроме этого в зале имеется еще пять дверных проемов. Главный фасад памятника определяют портал и две угловые башни, одна из которых /южная/ разрушена. Портал состоит из двух массивных пилонов, выступающих на 1,25 м и опоясанных суфой, стрельчатой ниши с клинчатой аркой тимпана с арочным проемом. Верхняя часть портала разрушена. На поверхности пилонов и тимпана заметны остатки ганчевой штукатурки. Угловые башни не были полыми и не имели внутренних лестниц, как считали ранее. Они не имели функционального назначения и были скорее всего данью глубокой традиции архитектуры Среднего Востока. Западный, северный и южный фасады Таш-Рабата представляют собой глухие внешние стены, выложенные из крупных и мелких плит сланца. Над разрушенными верхними частями стен возвышаются остатки куполов и сводов, среди которых особо выделяется купол над центральным залом. Суровая внешность фасадов, монументальность форм особо подчеркивается горным ландшафтом нетронутого природного окружения.

4. 19 помещений Таш-Рабата имеют купольные перекрытия, II-сводчатые и одно - плоское, из больших каменных плит. В куполах и сводах были световые проемы. Сводчатые перекрытия над коридорами и прямоугольными помещениями членятся поясами, выполненными из плит, положенных на ребро и плашмя. Переход от стен к куполам осуществляется посредством пагусов. В сводах сводов сохранился древний прием установки перекрытия на

несколько рядов горизонтальной кладки, выступающей из плоскости стены на четверть плиты.

5. В полу центрального зала и помещениях I4 и I9 обнаружены ямы, заполненные глиной. Яма, в помещении I9 цилиндрической формы, диаметром 0,9 м и глубиной 2,7 м. В помещении I4 глубина ямы 4,2 м, диаметр 1,2, но зачистка ее еще не доведена до конца. В этом же помещении имеется погреб с прямоугольным отверстием размерами 0,95 x 0,83 м. Небольшая яма находится в центре зала. Она была перекрыта квадратной плитой из камня и с отверстием в центре. При зачистке ям встречались фрагменты глиняной посуды, кости животных. Керамика неполированная. По форме и фактуре черепка она относится к X-XII вв. Такая же керамика обнаружена и при раскопках вокруг здания. Вместе с тем в ямах и за пределами постройки найдено несколько фрагментов глазурованной керамики с поливкой зеленого, коричневого и темно-зеленого цветов, характерной для X-XII в. и XIII в. При зачистке помещений в отдельных из них обнаружено до двух десятков фрагментов поливной и неполивной керамики X-XII вв., которая, по-видимому, не имеет прямого отношения к памятнику. В то же время была найдена и позднесредневековая поливная керамика не местного происхождения.

Новые наблюдения не позволяют согласиться с утверждениями ряда авторов, что отдельные помещения являлись "конюшнями". Археологические раскопки и всесторонний анализ строительных приемов дают новый материал для уточнения ранее известных данных о Таш-Рабате.

АРХЕОЛОГО-АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ КИРГИЗИИ XVIII-XIX вв.

На территории Киргизии сохранилось несколько категорий памятников материальной культуры XVIII-XIX вв., которые не были предметом специального изучения археологов

1. Кокандские крепости. Всего их было около 40. По размерам и фортификации все крепости можно разделить на три группы: крупные с мощными крепостными стенами и пушечными башнями, средние - с угловыми башнями и ружейными бойницами, мелкие - четырехугольные глиняные сооружения со стенами типа дувалов - глухих глинобитных заборов

2. Киргизские укрепления. Обследование кокандских крепостей, изучение литературы и архивных источников позволили высказать сомнение - все ли крепости имеют кокандское происхождение. Встал вопрос, не было ли аналогичных укреплений непосредственно у киргизов? Оказалось, что по крайней мере, более 10 крепостей, аналогичных кокандским, но меньших по размерам, были кирпичными.

Например, крепость Улуг-Коргон в Катмень-Тюбинской котловине, просуществовавшая менее столетия. Подобные крепости известны также в Таласской и Чульской долинах, в Приссыккулье и в Центральном Тянь-Шане

3. Надгробная архитектура: гумбеи и мазары. Наиболее сохранившиеся и дошедшие до наших дней памятники XVIII-XIX вв. - это своеобразные надгробные архитектурные сооружения - гумбеи и мазары. Связанные с наиболее стойким культом всех времен и народов - культом предков, киргизские надгробные памятники распространены повсеместно и продолжают хранить традиционные элементы культовой

архитектуры.

Гумбезы - крупные архитектурные сооружения, мазары - архитектурно-строительные объекты более скромных форм и **муллы - или "мулдушки" - простейшие надгробные памятники.**

Примером наиболее типичных гумбезов являются два сооружения на Чаткале, относящиеся к ХVII-XVIII вв., и в Ат-Баши - ко второй половине XIX в.

4. Коруки Коруки, "длинные стены", следы старых арыков, являясь своеобразными археологическими памятниками позднего средневековья, свидетельствуют об определенной зрелости феодальных отношений в Киргизстане и говорят о более раннем, чем утверждалось прежде, занятии киргизов земледелием. Во время полевых экспедиционных разведок в 1971 и в 1973г г нами изучены коруки в Прииссыккулье на побережье реки Туура-Суу в Тонской долине, проведена зачистка и шурфовка

5. Горнорудные промыслы. Специальными исследованиями изучено несколько памятников горнорудного промысла киргизов, слабо, но все же функционировавших в ХVII-XIX вв. Одним из точно датированных памятников является так называемый "Рудник погибели" - Кан-и-Гур на юге Киргизии. По сообщением М.Е. Массона, здесь были случайно обнаружены 23 ферганских монеты квадратной формы с надписью "ройдж" /т.е. "ходячая монета"/, которые относятся к концу ХVIII в. На другом руднике - Хайдаркан /букв. "Рудник Хайдара"/, - в ханские времена добывалась ртуть. Рудники Сары-Джаза подтверждают, что даже в таком отдаленном высокогорном районе в суровых климатических условиях добывали олово и где-то здесь же производили бронзу.

Археолого-архитектурные памятники VIII-XIX вв.
включены в состав сводного каталога памятников
истории и культуры Киргизии.

ДРЕВНИЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ КИРГИЗСКОГО НАРОДА

1. Неотъемлемую часть культурного наследия составляют традиции. Многие из них имеют древние корни. Если в них заложены непреходящие ценности, то, передаваясь из поколения в поколение, они совершенствуются и становятся достоянием не только данного народа, но и мировой культуры в целом.

2. Народные традиции сохраняются в великолепных образцах прикладного искусства. Среди них замечательные мозаичные ковры /ширдак/, живописные ткани /терме таар/ для связывания покрова юрты и покрывала, орнаментированные циновки /чирмаган чий/. Хотя лучшие образцы этих изделий украшали быт представителей имущего класса, их творцами и хранителями был трудовой народ. Народные мастера аккумулировали достижения в этой области и передавали другим поколениям.

3. В культуре киргизского народа имеются такие бесценные традиции, как уважение старших, гостеприимство, почтительное отношение к умершим /топурак салуу/, торжество по случаю рождения ребенка /жентек той/, разрешение пут /тушоо кесуу/ и многие другие.

Корни многих этих традиций, быть может, лежат в первобытнообщинных отношениях, когда слово старейшины было решающим, а все трудоемкие работы делали сообща. В условиях патриархально-феодалного общества эти народные традиции нередко использовались эксплуататорскими классами в корыстных целях.

4. В своей многовековой истории, насыщенной войнами против иноземных поработителей, либо межплеменными между-

собицами, киргизский народ выработал патристические, героические традиции. Священным долгом война считалась защита отечества от врагов. Существовал клятвенный обряд - целование меча отправляющимися на битву, чтобы сражаться храбро, достойно, без измены.

Представление народа о родной земле, ее защите, проявлении героизма и отваги, глубокое презрение к предательству, нашли отражение в многочисленных народных пословицах, поговорках и в преданиях.

5. У киргизов сложилась глубокая традиция чтить народных героев. Об их храбрости и силе слагали песни, их могилы почитаются. Таким был народный герой, историческая личность, Тайлак баатыр. Народные идеалы богатырей нашли отражения в эпосах "Таныш-Байыш", "Курман-бек", "Таныш-Мирза" и во многих других. Но наиболее ярко народные представления о патриотизме и героизме выразились в героическом эпосе "Манас".

6. Есть у народа много других положительных традиций, уходящих своими корнями в далекое прошлое. Благодаря тому, что в них заложены лучшие духовные ценности, они важны и для сегодняшнего поколения, духовно обогащая его опытом прошлого.

Киргизское декоративно-прикладное искусство

- Народное искусство киргизов самобытно и оригинально. К нему проявляли и проявляют интерес многие ученые, художники. Истоки его уходят в глубину веков. Складывалось оно в трудных исторических условиях, но утверждало жизнелюбие и неистощимость творческой мысли народа, создало ценнейшие традиции и четкие художественные принципы, позволяющие отметить национальные особенности.

Древность киргизского народного искусства выявляется во множестве аналогий. Они раскрывают общность в культуре народов Центральной и Средней Азии, Казахстана, Поволжья. Киргизское искусство беспрерывно обогащалось этническими и культурными связями с народами этих регионов.

Мир народного творчества разнообразен. Каждый вид искусства развивался по-своему. Технология проста, несложны и технические приемы - в ювелирном деле, в кошмовалении, ковроделии, ткачестве, резьбе по дереву, тиснении по коже, вышивке, аппликации, в плетении и пр. Выражением таланта и духовной жизни народа стал орнамент. Интересны его сложные и простые формы, композиционные решения.

- Творческий почерк народных мастеров составил единый комплекс, поток народного искусства, народного труда. Его руслом была история самого народа. Искусство чутко реагировало на события. Особенно сказались времена присоединения Киргизии в России, перехода к оседлости.

- Принципиально новую основу для дальнейшего развития народного искусства создала социалистическая действительность. Развитие народного творчества в советское время отличается рядом осо-

бенностей в жизни Киргизии. Внимание партии и правительства к народному творчеству, его поощрение отразилось во многих решениях и постановлениях. Немало новых страниц в истории развития народного искусства внесла борьба за новое искусство, построенное на глубоком осмыслении народных традиций и на смелых новаторских решениях.

- Впервые в истории Киргизии появились музеи с фондами, хранящими шедевры народного искусства, организуются выставки лучших народных мастеров, объединяются народные мастера, растут специальные учебные заведения.

- Историческая миссия киргизского народного искусства велика. Оно становится интернациональным, близким и понятным всем народам. На образцах народного искусства учатся профессиональные мастера, художники. Народное прикладное искусство киргизов стало неотъемлемой частью всей народной культуры, вошло в жизнь советского человека, стало необходимым.

Государственный музей изобразительных искусств-
сокровище Киргизского народа

1. Советское государство постоянно заботится об охране, приумножении и широком использовании духовных ценностей для коммунистического, нравственного и эстетического воспитания советских людей, повышения их культурного уровня.

2. В духовной жизни любого народа особое место занимает музей, как главное хранилище народного наследия. В музейных фондах сосредоточены предметы искусства, выражающие огромный мир духовного и нравственного потенциала и богатство художественных идей народа.

3. Киргизский государственный музей изобразительных искусств, существующий уже полвека, является одним из крупных художественных центров Советского Востока. Хранящиеся в его фондах многочисленные предметы народного прикладного искусства, произведения живописи, скульптуры и графики свидетельствуют о том, что киргизские художники и народные мастера прошли замечательный путь в своем развитии.

4. В течение почти пятидесяти лет в музее большое внимание уделяется сбору предметов декоративно-прикладного искусства. Среди экспонатов особый интерес представляют ширдаки, кожаная и деревянная посуда, конская сбруя, одежда, женские украшения и др. Эти предметы отличаются оригинальностью форм, ясностью рисунка и богатым цветовым колоритом, а также удобством. В декоративно-прикладном искусстве киргизов сохранились реплики традиций-художественные сюжеты древнего искусства. Они свободно и непосредственно отражают глубинные представления о прекрасном, эстетическом выражении важнейших законов, явлений окружающей среды и природы.

Наскальные гравюры и росписи, изображающие знамена с волчьей головой

1. Волк – один из тотемов тюрко-монголов, олицетворял могущество и силу власти. Легендарные традиции о значении волка, как защитника и покровителя людей широко распространены среди тюркских племен.

Культ волка существовал у скифов-саков. Древние сакские племена в честь волчьего тотема ежегодно устраивали конные состязания, участники которых носили волчьи шкуры.

Один из вариантов таких состязаний у казахов носит название "Кыз бор!" – "девушка-волк" – прямое продолжение древней сакской традиции.

2. Изображение знамен с волчьей головой сохранилось до наших дней в виде наскальных гравюр и росписей на стенах древних зданий. Большая серия таких изображений найдена на скалах в долине Чу, в Курдайских горах, где в древности был центр западно-тюркского каганата со столицей Шуяб.

3. Курдайские наскальные гравюры представляют собой реалистические фигуры всадников-воинов, вооруженных длинными копьями, к которым прикреплено знамя с волчьей головой. Голова волка, его заостренные уши показаны очень выразительно. Обширная серия наскальных гравюр, изображающих воина с копьем – знаменем с волчьей головой, обнаружена в горах Джунгарского Алатау, на скалах в верховьях реки Каратал А.Н.Марьяшевым.

4. Большой интерес представляют росписи, изображающие знамена с волчьей головой, произведения матеров западно-тюркского Каганата, обнаруженные при раскопках городов VI – VIII вв. Сюжетное построение росписей такое же, как наскальных рисунков Семиречья. Основу композиции составляют батальные сцены с всадниками-воинами, вооруженными такими же длинными копьями с изображением знамени с

волчьей головой. Обращает на себя внимание техника изготовления знамени при помощи цветной краски, головы волка и его заостренные уши, выполненные более изысканно и колоритно. Всего найдено 15 изображений знамен.

5. Волка особенно почитали до последнего времени казахи племени Шапрашты Большого жуза, традиционно сохранившие обычаи древних тюрков. Они сохранили старинные копья с волчьим знаменем. По сообщению Джамбула золотое волчье знамя украшало копья шапраштинских богатырей Сураши и Бугубая. Об этом пел знаменитый акын, друг молодого Джамбула Сжимбай:

"Волчья голова – мой боевой клич. Волчье место – моя родина. Когда приподнимешь волчье знамя, тебя окрыляет боевой дух".

Р.Г.Кузеев, А.Х.Пшеничник,
В.А.Иванов /Уфа/.

Этнокультурные связи народов Южного Урала
с Центральной и Средней Азией в древности
и средневековье по материалам декоративно-
прикладного искусства.

1. Ранние кочевники южноуральских степей составляли северо-западную периферию сако-массагетского мира. Синхронные им финно-угорские племена ананьинской культуры Приуралья /в этнокультурном отношении характеризующиеся своеобразием и однородностью/ поддерживали тесные контакты с кочевниками. На это, помимо образцов оружия и конского снаряжения, указывают многочисленные заимствования сюжетов скифо-савроматского и кобанского декоративно-прикладного искусства.

2. Продолжение этой традиции наблюдается в пьяноборскую эпоху /конец I тыс. до н.э. - начало I тыс. н.э./. При абсолютном господстве геометрических форм в орнаментации металлических украшений, не имеющих аналогий на соседних территориях, пьяноборские племена Приуралья, продолжая поддерживать культурные связи с югом, получают оттуда бусы причерноморского производства, застежки-фибулы, стеклянную посуду, зеркала, которые заметно отличаются от подобных изделий местного производства.

Аналогичное проникновение предметов искусства южного происхождения заметно в культуре кара-абызских племен. Их искусство характеризуется, с одной стороны, традиционными металлическими украшениями с геометрическим орнаментом и оригинальными образцами местного "звериного" стиля, с другой - импортными изделиями /оружие, бусы, бронзовые зеркала сарматских типов/.

По-видимому, такое соотношение вещей объясняется тем, что в

рассматриваемое время в Приуралье торгово-культурные связи с югом преобладали над этническими.

3. В эпоху Великого переселения народов в лесной полосе Южного Приуралья /бахмутинская, мазунинская культуры/ продолжают господствовать традиционные типы металлических украшений. Массовое распространение новых типов украшений, генетически не связанных с местными формами, но имеющих аналогии и прототипы в памятниках раннетюркского времени Сибири, Центральной и Средней Азии, начинается не ранее VI в.н.э. С этого времени приток на Южный Урал и в Приуралье предметов декоративно-прикладного искусства восточного происхождения приобретает устойчивый характер: византийские и сасанидские серебряные сосуды, "тюркские" поясные наборы и конская сбруя VIII-IX вв., ткани, "монгольские" зеркала, металлическая посуда X-XIV вв.

4. Указанные изменения сопровождались, во-первых, резким и почти тотальным вытеснением местных сюжетов декоративно-прикладного искусства, во-вторых - появлением в Южном Приуралье нового погребального обряда /курганные могильники/ и новых форм хозяйства /кочевое скотоводство/. При этом в памятниках VI-VII и VIII-IX вв. /могильники кушнареновско-караякуповского типа/ заметно преобладание элементов, характерных для лесной полосы Урала и Сибири. Курганы же рубежа и начала II тыс. н.э. отличаются полным отсутствием керамики и металлических украшений при относительном богатстве оружием и принадлежностями конской сбруи. Эти наблюдения позволяют выдвинуть следующую гипотезу: среди новых обитателей Южного Урала вначале преобладали носители угорского /или угро-самодийского/, а позже /не ранее начала II тыс.н.э./ - тюркского /возможно, древнебалкирского/ этноса.

5. Представленная выше картина этнокультурных изменений впол-

не убедительно согласуется с результатами исследования декоративно-прикладного искусства башкир. Из шести выделенных исследователями башкирских орнаментальных комплексов - одни указывают на связи с тюркскими и монгольскими племенами Южной Сибири и*Средней Азии /спиральные, рогообразные и волнообразные узоры, бордюры и розетки/, а другие /противостоящие птицы или животные, восьмиконечные звезды, вилообразные и ногтевидные бордюры и пояса из геометрических фигур/* - на контакты с древними местными финно-угорскими племенами. Слабо изученные, но отмеченные исследователями параллели в орнаментах тюркских и финно-угорских народов Волги и Урала показывают пути формирования ареальных специфических признаков декоративного искусства на основе сложного взаимодействия тюркских и финно-угорских компонентов в конце I - первой половине II тыс. н.э.

О роли собаки и орла в хакасских героических сказаниях

1. Замечательные иллюстрации "повестям" таштыкской эпохи найдены в склепе III - IV вв. н.э. Уже в это время ведущее место в изобразительном искусстве занимает воин-лучник, орел, хищные и благородные животные.

2. В хакасских героических сказаниях высоким разумом наделены конь богатыря и иногда его собаки. В сказании "Ай Хучын" богатыршу Хан Хыс сопровождают две собаки: - когда же Хан Хыс схватилась в единоборстве с Хан Миргеном, собаки стали грызть ноги Хан Миргена. В этой же борьбе Хан Хыс неожиданно стали помогать два орла (Хара Хус): "Орлы с неба с шумом опустились, стальными клювами и когтями долбят глаза Хан Миргена".

Особую роль в хакасском эпосе "Алтын Арыг" играют черные вороны (самец и самка). Они предугадывают будущие события, осуждают несправедливость в жизни людей. Вороны, как и зависимые от хана люди, вынуждены исполнять волю несправедливой претендентки на ханскую власть Пичен Арыг.

Орлы и вороны, как и животные, выступают наравне с богатырями, хотя играют подчиненную роль. Сюжеты искусства "звериного стиля" скифо-сарматского времени продолжали существовать в трансформированном виде и в средние века.

3. В сказании "Хан Толай" повествуется о двух собаках белой масти. Они отличаются огромной физической силой. Собаки (алып адайлар) сопровождают богатыря и в сказании "Хан Мирген" Они одолевают грозного зверя - барса.

4. Персонажи фольклора находят параллели в средневековых погребальных памятниках Хакассии. Костные остатки собак, найденные в курганах, принадлежат огромным псам, которых хоронили вмес-

те с хозяином-воином. Археологические свидетельства дополняются замечательными петроглифами Сулекской писаницы,

5. В средние века умерших хоронили способом трупосожжения. Подобный обряд погребения сообщается в героических сказаниях. "Алтын Арыг", "Ая Хучын", "Хан Мирген" и др. Если средневековые курганы с каменной насыпью часто делались в виде юрты, то в сказаниях в таких каменных юртах (красных и черных) богатырей жгут, мучают, убивают.

Некоторые виды вооружения у киргизов в эпосе "Семетей"

1. Для изучения истории отдельных видов боевого оружия у киргизов значительный интерес представляют данные, содержащиеся в эпосе "Семетей". В нем упоминаются многие виды оружия, предназначенные для наступления и обороны.

2. Боевой лук - "Аленгир джаа" или "Ал энгире джаа", в словаре К. К. Едахина истолковывается как лук "разрушающий, и наконечник стрел, издающий звук". Можно предположить, что под "аленгир джаа" имеются в виду сложносоставной боевой лук и боевые стрелы, известные из археологических памятников, которые издавали в полете устрашающий, пронзительный свист, что усиливало эффект атаки, вносило панику в ряды противника, расстраивало его ряды.

Некоторые термины, встречающиеся в эпосе, указывают на материалы, из которых изготовлено это боевое оружие. Например, "тарамыш джаа" - лук, обтянутый сухожилиями, или "муьуз джаа" - буквально лук из рога животного, "Соок-джаа" - костяной лук. Как известно, луки с обкладками из кости, рога, связанные сухожилиями, были широко распространены с древнейших времен. Наряду с этими в эпосе упоминается форма боевого лука "иймек-джаа" - дугообразный лук, который может быть отождествлен с боевым луком древних кочевников Тянь-Шаня и Притяньшанья.

3. В эпосе упоминаются некоторые виды колчана: "саймалуу саадак" - буквально колчан, вышитый или украшенный вышивкой, "Булгаары саадак" - колчан из выделанной кожи и т. д., которые также имеют свои аналогии среди материалов из археологических памятников.

4. При перечислении боевого снаряжения воинов в эпосе упоминаются боевые топоры (ай балта), мечи (кылыч), сабля. Они изготовлены из различных материалов, а на некоторых из них сохранились следы украшений из благородных металлов, что хорошо согласуется с данными археологии. По-видимому, изделия имели наварку стального лезвия на железную основу. Из эпоса также видно, что не все виды вооружения служили боевым оружием. Некоторые из них, например, "топор с золотой рукоятью", был символом власти военных предводителей.

5. Защитные доспехи воинов, упомянутые в эпосе "Семетей", по многим деталям идентичны с одежаниями древних и средневековых воинов - всадников.

Самым интересным из них является "Ак олпок" (букв. белый доспех), сшитый из высшего сорта хлопчатника с вкраплениями из меченной стали или железа, покрытый сверху кожей и чешуйчатым панцырем. Для устрашения противника и защиты от злых духов на спинной части доспеха изображались дракон и змея, а на груди - волк с открытой пастью. Многие парадные одежды, упомянутые в эпосе, также искусно украшались золотом и серебром в виде рыбьей или змеиной чешуи.

6. Сопоставление данных о вооружении из героического эпоса и этнографии с различными видами боевого оружия, обнаруженного при раскопках, позволяют в определенной степени судить об эволюции древнего боевого оружия и об их прототипах.

И.Б.Молдобаев (Фрунзе)

О некоторых древних медицинских инструментах
киргизов (по данным эпоса "Манас")

Народная медицина является той областью народных знаний, которая одинаково полезна как для исторической, так и для медицинской науки. В фольклоре киргизского народа при описании эпизодов кровопролитных сражений очень часто упоминаются народные хирургические инструменты, а также способы и приемы "операционных" лечений. Таковы строки из "Манаса":

Тинтуур менен турткулоп	Стрелоискателем крололи:
Бекиген окту копшутуап,	Сдвигая с места застрявшую стрелу
Сом этине калды деп,	Подумав, что застряла (стрела) в теле
Чыкпай туруп алды деп,	И опасаясь, что ее трудно извлечь,
Аштар алып колуна	Взяв в руки ланцет (аштар).
Тилип жаткан андан коп.	И разрезавших (раны лекарей) также было много.

(Здесь и далее перевод наш)

В этом отрывке упоминаются два названия народных хирургических инструментов. "Тинтуур" - стрелоискатель. Стрелоискатели могли изготавливаться из стеблей чия и таволги, а также из золотой и серебряной проволоки. Назначение его состояло в том, чтобы узнать на какую глубину проникла наконечник стрелы в тело человека. Такой предмет найден в Туве в 1971г. в могильнике Хемчик-Боом II (IX - X вв. до н.э.), принадлежавшем древним енисейским кыргызам.

Другой инструмент называется аштар (или наштар) - ланцет, употребляемый в прошлом в народной хирургии главным образом для кровопускания.

В следующих строках эпоса "Манас" показаны своеобразные приемы лечения переломов ног:

Буту сынган мунун деп
теректерден табышып,
Челек кылып чабышып
Оюп жургон андан коп.

Приговаривая, что у этого переломаны
ноги,
Находивших бревно из тополя
И вырубив из него приспособление в
форме бочонка
Мастеривших (лекарей) было еще больше.

Примечательно, что эти инструменты очень схожи с хирургическими инструментами XI в., которыми пользовался Ибн-Сина. Параллели состоят не только в схожести хирургических инструментов, но и в приемах лечения ран.

Все это позволяет нам поставить вопрос о взаимовлиянии культур оседлых и кочевых народов Средней Азии и, в частности, в области народной медицины.

Супруненко Г.П. (Фрунзе)

Историко-этнографические сведения о киргизах
Восточного Туркестана в источнике ХУШ в.

1. "Сиюй чжи" ("Описание Западных земель") — историко-географическое сочинение из Синьцзянской коллекции рукописей К.А.Скачкова (1821–1833), хранящейся в ГБ СССР им.В.И.Ленина.

2. В рукописи содержатся сведения о расселении некоторых родоплеменных подразделений киргизов (бурутов) в первой половине ХУШ в. на территории Джунгарии и Восточного Туркестана. Интересны данные о более ранней истории киргизских племенных объединений, записанные в 70-х годах ХУШ в. маньчжурскими чиновниками Восточного Туркестана у киргизских старейшин и знатоков генеалогии.

В середине ХУ в. какая-то часть киргизов, "спасаясь от беспорядков, бежала и нашла приток в горах". По-видимому, это самое раннее упоминание в письменном источнике о переселении какой-то группы монголистанских киргизов на Тянь-Шань, память о котором сохранилась в устной народной традиции до ХУШ в.

Другое сообщение говорит о создании этнической структуры и военно-политической системы правого и левого крыла в начале ХУ в. "они сообща вели мирные переговоры и разделили население на равные части. Выделили два подразделения, выбрали из богатых двух предводителей, каждому указали владения: земли, реки, горы. Разделились на две ветви — северную и южную... Каждая делилась внутри на ветви". В северной группе названы: кыпчак, каратегин, багыш, адигине, бёрю, найман, жору, теелес; в составе южной группы: саяк, сары-багыш, кытай, кущу, саруу, монголдор, солто, ават, мундуз, басыз, черик. Такая дуальная этнополитическая организация, построенная не только по кровнородственным связям, но и по строгому территориальному принципу, сыграла важную роль в процессе образования киргизского народа.

3. В "Сиюй чжи" названы районы кочевок различных групп киргизов, их летние пастбища и зимовки, вблизи которых население возделывало землю. Рукопись сообщает о занятии киргизов скотоводством, земледелием, охотой; излишки скота они обменивали у местного уйгурского населения на хлеб и ткани. В рукописи есть сведения о торговле, обычаях, а в главе об одежде народов Восточного Туркестана и Средней Азии имеется несколько рисунков одежды киргизов. О деталях киргизского костюма говорится: мужчины летом и зимой носили белые войлочные шляпы, сапоги из теллячьей кожи, с подбитой железными гвоздями подошвой и на каблучке. На поясе носили разнообразные подвески. Женщины зимой и летом накручивали на голову белую ткань, закрывая лоб и соединяя ее под подбородком. Остальные детали женской одежды, как отмечается в рукописи, подобны уйгурской,

Лаконичные данные рукописи дают также представление о структуре киргизского патриархально-феодалного общества.

К вопросу о заселении Памира киргизами.

1. Первые сведения о киргизах, обитавших на территории Восточного Туркестана и Памира встречаются в тибетских источниках, относящихся к IX в. Наиболее подробные сообщения о территории, которую занимали киргизы, мы находим у ал-Истахри, который указывает территорию расселения киргизов в пределах современного Памира.

Проживание киргизов в припамирских районах в X в. подтверждается Мухаммедом Наджибом Бахраном. Он упоминает территорию, принадлежащую памирским киргизам. При этом можно еще привести заключение академика В.В.Бартольда о расселении киргизов в X в. в Восточном Туркестане, а как упоминает "Худу-ал-Алам" - киргизы были не только северными, но и западными соседями тогузгузов". Аналогичные сведения содержатся в других трудах восточных авторов, в частности, "Тарих-ал-камиль" ибн ал-Ашра, "Тарджума ал-Масалик ва Мамалик", "Аджаиб ал-махмухат ва гараиб ал мавжудат" и др..

Обращаясь к более позднему времени, к XV в., мы находим наиболее достоверные сведения о памирских киргизах в "Бабур-намэ" Закиреддина Бабур. Все вышеприведенные свидетельства трактуются учеными по-разному, но не оставляют сомнения в том, что киргизы населяли Памир уже до 17 в.

Один из последующих этапов переселения киргизов из Ферганы на Памир, о котором сохранились сведения в памяти народа, относится к 18 - нач. 19 вв.

2. Большинство ученых считает, что в XVII в. тяньшанские киргизы оказались под властью калмыков, которые вытеснили часть киргизов на Памир, Алтай, в Фергану и в Кашгар. В основе этого положения лежат указания В.Бартольда, который, опираясь на сочинение

XVI в. Махмуда ибн Вали "Бахр ал-асрар" писал, что зимой 1636г. в Гиссар через Каратегин прибыли 12 тыс. семейств киргизов, считавшихся кафирами.

3. Другие историки, ссылаясь, в основном, на китайские источники, относят появление киргизов на Памире к древнейшим временам, отождествляя этноним "киргиз" с термином "булу": т.е. бурут. Так в некоторых источниках, в том числе и в русских, в XVIII-XIX вв. называли иногда киргизов. Н.А.Кисляков, В.А.Ромодин и др., ссылаясь на народные предания, эпос, относят появления киргизов на Памире к 16 веку.

4. Большинство зарубежных исследователей - сторонники гипотезы позднего появления киргизов на Памире. Они в основном опирались на этнографические и фольклорные материалы последних двух столетий, без привлечения письменных источников. Поэтому они пришли к заключению о позднем заселении Памира киргизами, по крайней мере Афганского - примерно в 18 в.

5. Наличие столь различных и противоположных мнений среди советских и зарубежных ученых указывает на недостаточную исследованность этого вопроса. Тем не менее, сейчас можно обоснованно говорить о многоэтапном заселении Памира киргизами, длившемся около тысячелетия.

Б.О.Орузбаева (Фрунзе)

Отражение лексического своеобразия киргизского
языка в памятниках материальной культуры

Одну из отличительных особенностей лексики современного киргизского языка составляют богатейшие традиционные профессионализмы, являющиеся словесными обозначениями реалий, относящихся к отраслям материальной культуры киргизского народа. Это, прежде всего, терминология исконно киргизских традиционных видов орудий производства и их технологии, связанных своим зарождением с удовлетворением насущных потребностей кочевого образа жизни, скотоводческого хозяйства: традиционное войлочное производство, ткачество, плетение, вышивальное искусство, аппликации, обработка меха, кожи, шорное дело, а также работа по дереву — товарная обработка, резьба, ювелирное производство.

В этом пласте лексики прослеживаются также связи киргизов с народами Южной Сибири и Центральной Азии и с сопредельными народами современной территории своего расселения.

Л.А.Чвырь (Москва)

О народном искусстве синьцзянских киргизов

1. Общие сведения о киргизах Синьцзяня: родоплеменной состав, историко-культурная характеристика, основные направления хозяйственных, политических, этнических и культурных связей (XIX-нач. XX вв.)

2. Современный уровень изученности народного искусства киргизов СССР, отсутствие публикаций и информации о киргизах Синьцзяня. Актуальность темы.

3. Оценка существующих источников по народному искусству киргизов Синьцзяня (малочисленность, фрагментарность и другие особенности). Попытка выявления новых источников для изучения народного искусства киргизов.

Основные этапы исследования
Буранинского городища.

1. Начало изучению топографии Буранинского городища было положено в конце XIX в. Частичное внимание этому вопросу уделили Ф.П. Поярков (1885г.) и В.Д.Городецкий (1886-1888 гг.) В 1894г. городище посетил В.В.Бартольд, давший краткое описание центральных развалин и минарета и отождествивший это поселение с историческим городом Баласагуном. В 1896г. токмакский краевед В.П.Ровнягин опубликовал краткое сообщение, что местности Бурана и Ак-Бешим являются остатками одного большого города, который тянется с юго-востока на северо-запад верст на 15 и в ширину верст на 5. В то же время началось археологическое изучение городища. К югу от башни было открыто несторианское кладбище с сиротско-туркскими эпитафиями на небольших кайраках.

Таким образом, в дореволюционное время был поставлен вопрос о существовании поселения вокруг башни Бурана и дано краткое описание его отдельных деталей.

2. Наиболее интенсивное изучение Буранинского городища проводилось археологами в советское время. В начале 20-х годов его вновь обследовал В.Д.Городецкий, определивший площадь развалин городища в 20 кв.км. М.В.Массон в 1927 г. проводил раскопки вблизи минарета и занимался изучением топографии городища. А.И.Тереножкин в 1929 г. обследовал и дал полную характеристику топографии центральных развалин и впервые снял план этой части города. Вопросами изучения топографии только центральных развалин городища занимались экспедиции под руководством Б.М.Зимы в 1937г. и А.Н.Вернштам в 1938-1940 гг. Осмотр этого памятника проводил Л.Р.Кызласов в 1953 - 1954 гг. Таким образом, все вышеназванные исследователи, исключая В.Д.Горо-

децкого и В.П.Ровнягина, указали на его незначительные размеры, принимая за поселение лишь четырехугольник вокруг башни Бурана.

3. В 1952г. городище изучалось П.Н.Кожемяко. В результате исследований им было установлено, что Бурана относится к числу городищ с длинными стенами с площадью 30 кв.км., что в корне меняло представление об этом памятнике. Он высказал предположение, что этот город в средние века был значительным политическим центром. Наилучшую сохранность имеют центральные развалины памятника, в пределах которых и находится сама башня.

4. Для подготовки к реставрации башни были проведены стационарные раскопки в 1970-1972 гг. под руководством Д.Ф.Бинника. За это время было открыто три мавзолея, один восьмигранный и два порталных, а также был изучен характер фундамента башни. С 1974г. были продолжены раскопки в разных местах городища, а также были обследованы несколько торгкулей в пределах длинной стены. Одна из усадеб была частично раскопана В.Д.Горячевой в 1974г.

5. Новый этап изучения городища Бураны начался после принятия постановления ЦК КП Киргизии и Совета Министров Киргизской ССР "Об организации археолого-архитектурного музея под открытым небом на базе Буранинского городища" в 1977г. В связи с этим в 1978г. под руководством Б.П.Мокрянина были начаты стационарные раскопки в нескольких участках.

Д.Б.Сапаралиев
(г.Фрунзе)

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ АРАБСКОГО ПИСЬМА В КИРГИЗИИ
(конец XVIII – начало XIX веков)

Значение письма в культурном развитии народов огромно. Арабское письмо распространилось в Средней Азии в связи с проникновением сюда ислама и сыграло определенную роль в развитии культуры и международном общении.

Хотя в Киргизии влияние ислама было менее значительным, чем у других народов Средней Азии, арабский алфавит нашел свое признание и среди киргизов.

Вопрос о времени распространения арабского алфавита в Киргизии пока остается нерешенным. Одни исследователи предполагали, что арабская письменность распространялась среди киргизов узбекскими, татарскими и уйгурскими проповедниками ислама в период завоевания Северной Киргизии Кокандским ханством, т.е. в первой половине XIX века. В.М.Плоских на основе данных русских архивных документов пришел к выводу, что распространение арабского алфавита в Киргизии не связано с кокандским завоеванием, что он использовался киргизами значительно ранее и отдельные представители народа знали грамоту еще в начале прошлого века. В этой связи определенный интерес вызывают недавно обнаруженные в фондах Гос.архива Омской области новые документы – письма киргизского "начальника" – Атаке Батыра Тынайбаева к представителям русской администрации в Омске, а также Екатерине II в связи с отправкой первого посольства киргизов в Санкт-Петербург (1785–1793 гг.). Из писем, адресованных к сибирским командирам, два сохранились в

подлиннике. Они написаны на чагатайском языке ("среднеазиатском турки") арабским алфавитом. Не исключено, что подобные документы существовали и ранее. Их поиск - предстоящая задача историков. Известно, что на этом языке выполнялось большинство официальных документов в среднеазиатских владениях со времени средневековья.

Первые же письменные документы, дошедшие до нас и исходящие непосредственно из киргизской среды, раздвигают известную до этого хронологию времени распространения арабского письма среди северных киргизов к XIII веку, а возможно, и к более раннему периоду.

А.С. Табышалиева

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОПАГАНДЫ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕГО
И СРЕДНЕВЕКОВОГО КИРГИЗСТАНА**

Обширная территория Киргизстана с древнейших времен была густонаселена различными кочевыми, полукочевыми и оседло-земледельческими племенами и народами, оставившими после себя сотни и тысячи памятников разных этнических культур. Процесс разрушения и исчезновения их с лица земли, связанный с особенностями исторического прошлого киргизского народа, колонизаторской политикой царизма, был предотвращен лишь в годы Советской власти. Примером бережного отношения к историко-культурному наследию народов нашей страны стали ленинские декреты по охране, использованию и пропаганде памятников искусства и культуры.

Национальное размежевание республик Средней Азии (1924) послужило толчком к организации исследований и пропаганды древних и средневековых памятников Киргизстана. Большой вклад в дело изучения и популяризации наследия прошлого внесли первые археолого-этнографические экспедиции и дальнейшее развитие научно-пропагандистской работы ученых-историков Киргизии и Ленинграда под руководством республиканской Академии наук. Широкий размах эта деятельность приобрела с конца 60-х годов, после организации Киргизского общества охраны памятников истории и культуры. Стал издаваться специальный научно-популярный сборник "Памятники Киргизстана", усилилась их пропаганда средствами массовой информации.

Наряду с успехами в использовании новых форм пропаганды памятников древнего и средневекового Киргизстана, работа в данном направлении требует разрешения ряда проблем как орга-

низационного характера: выработки надежных показателей эффективности пропаганды такого вида памятников, преодоления фактов форсированного роста численности членов общества охраны памятников истории и культуры, активного привлечения большого резерва ученых-обществоведов, специалистов в области архитектуры и искусства. Усиление охраны и пропаганды археологических и архитектурных памятников Киргизии позволит полнее использовать их в коммунистическом воспитании трудящихся республики.

Качество пропаганды памятников истории и культуры древнего и средневекового Киргизстана в определенной степени характеризует анализ деятельности республиканских музеев. С 1965 г. по 1981 г. число посещений возросло в исторических музеях в 4,5 раза, искусствоведческом - в 3,9 раза.

Неустанная забота партии и правительства по пропаганде историко-культурного наследия киргизского народа, закреплённая в ряде постановлений, законов, проявилась в организации исследований, реставраций, охраны и популяризации памятников древнего и средневекового Киргизстана. Важным шагом в этом направлении стало решение ЦК КП Киргизии и Совета Министров республики о подготовке свода памятников истории и культуры Киргизской ССР.

И.К.Кожомбердиев, В.С.Худяков
(Фрунзе, Новосибирск)

КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАНЦИРЯ ИЗ МОГИЛЬНИКА АКЧИЙ - КАРА - СУ

Важное место в составе комплекса вооружения населения кенколльской культуры занимают средства защиты. В результате многолетних раскопок на территории Киргизии в катакомбных захоронениях в могильниках в долине Кетмень-Тюбе обнаружены многочисленные детали металлических кольчуг, панцирей, окантовок щитов, сведения о которых нашли известное отражение в обобщающих работах по истории Киргизии и степного пояса Евразии. К сожалению, в результате повальной ограбленности катакомбных захоронений с формы и конструктивных особенностей доспеха можно судить в самых общих чертах.

Дополнительные возможности в этом отношении открывают удачные находки деталей панцирей различных типов из могильника Акчий-Кара-Су. Наибольший интерес из них представляет панцирь из кургана 52. В составе рассматриваемого защитного доспеха представлены железные пластины различной конфигурации, с разным количеством отверстий для крепления. Ряд пластин обнаружен в сочленении между собой, что позволяет представить способ их крепления и наметить местоположение в составе панциря. Судя по составу пластин настоящий панцирь относится к типу "чешуйчатых". Он состоял из нагрудника, оплечий, рукавов и подола. Особенный интерес среди набора пластин представляют узкие пластины - 4,5 x 2 см, толщиной 1 - 2 мм, с четырьмя отверстиями для крепления в верхней части и полушарными выступами в приостренной нижней части. Такие пластины, соединенные через отверстия между собой, составляли сплошную чешуйча-

тую поверхность из полушарных выступов. Данная конструкция отличается своеобразием. Она функционально оправдана, т.к. бугристая поверхность должна была гасить силу удара клинка и затуплять большую нежели обычно длину лезвия.

Рассмотренные конструктивные особенности свидетельствуют о важности изучения защитного вооружения населения кенколской культуры для характеристики военного дела кочевников степного пояса Евразии в первой половине I тыс. н.э.

Содержание

Ю.Ф.Буряков (Самарканд). Новые материалы по экономике и культуре раннефеодального Чач Илака	3
С.Б.Лунина (Ташкент). Сходные черты в материальной культуре городов и поселений Киргизии и Согда поры развитого Средневековья	5
А.А.Анарбаев (Самарканд). Исследования средневековой Ферганы (по материалам Ахсикуента)	7
О.Караева (Фрунзе). К истории хозяйства Центрального Тянь-Шаня и Семиречья в IX-XII вв.	9
А.Мухтаров (Душанбе). Еще раз о надписях на кайраках мазара Шах-Фазил в Киргизии	11
Л.Додхудоева (Душанбе). К вопросу о происхождении кайраков	13
Е.А.Давидович (Москва). Реформа в Фергане - кризис денежного обращения в Семиречье (середина XI в.)	15
Б.Д.Кочнев (Самарканд). Чеканка монет на территории Киргизии в конце X - начале XIII веков	18
М.Г.Крамаровский (Ленинград). Погребение монгольского времени из Таласской долины.	21
Е.З.Заурова (Фрунзе). Парадный архитектурный комплекс XIV-XV вв. на городище Акчий	23
С.Б.Джамгерчинов (Фрунзе), С.Г.Кляшторный (Ленинград), В.П.Мокрынин, А.М.Мокеев (Фрунзе). Основные этапы этногенеза киргизского народа	25
Д.Г.Савинов (Ленинград). К вопросу о связях енисейских и тянь-шанских киргизов	28
С.Г.Кляшторный (Ленинград). Социальные категории древнетюркского общества в памятниках рунической письменности Киргизии	30
К.И.Петров (Фрунзе). Общественно-исторические условия этнокультурного развития древней и средневековой Киргизии	32

М.А.Бубнова (Душанбе). Структурно-планировочные особенности рудничных поселений в Средней Азии в IX - XII вв.	34
Б.Атагарриев (Ашхабад). Ремесло феодального периода в Туркмении и Киргизии	36
Д.Д.Иманкулов (Фрунзе). Новое о Таш-Рабате	37
Б.Дуйшеев (Фрунзе). Археолого-архитектурные памятники Киргизии XUI-XIX вв.	40
Т.Дж.Баялиева (Фрунзе). Древние традиции в культуре киргизского народа	43
К.И.Антипина (Фрунзе). Киргизское декоративно-прикладное искусство	45
К.Н.Усубалиева (Фрунзе). Государственный музей изобразительных искусств - сокровище киргизского народа	48
А.Х.Маргулан (Алма-Ата). Наскальные гравюры и росписи, изображающие знамена с волчьей головой	50
Р.Г.Кузеев, А.Х.Пшеничник, В.А.Иванов (Уфа). Этнокультурные связи народов Южного Урала с Центральной и Средней Азией в древности и средневековье по материалам декоративно-прикладного искусства	53
Я.И.Сунчугашев (Абакан). О роли собаки и орла в хакасских героических сказаниях	55
К.А.Айдаркулов (Фрунзе). Некоторые виды вооружения у киргизов в эпосе "Семетей"	57
И.Б.Молдобаев (Фрунзе). О некоторых древних медицинских инструментах киргизов (по данным эпоса "Манас")	59
Г.П.Сушруненко (Фрунзе). Историко-этнографические сведения о киргизах Восточного Туркестана в источнике XIII в.	61
Г.Керимбекова (Фрунзе). К вопросу о заселении Памира киргизами	63

	75
Б.О.Орузбаева (Фрунзе). Отражение лексического своеобразия киргизского языка в памятниках материальной культуры	64
Л.А.Чырп (Москва). О народном искусстве саянских киргизов	65
М.Кубатбеков (Фрунзе). Основные этапы исследования Буранинского городища	67
Д.Б.Сапаралев (Фрунзе). К вопросу о распространении арабского письма в Киргизии (конец VIII - начало XIX вв.)	69
А.С.Табашалеева. Некоторые вопросы пропаганды памятников древнего и средневекового Киргизстана	71
Н.К.Кожомбердиев, В.С.Худяков (Фрунзе, Новосибирск). Конструктивные особенности панциря из могильника Ақшай-Жарасу	78

